

ПОЭЗИЯ

Борис ХЕРСОНСКИЙ	
Зима	215
Галя МАРКЕЛОВА	
Мартовский снегопад	221
Надежда МОРЕВА	
Дорога в Мило	225
Елена ЛУКЪЯНЧУК	
Наши лица, как экраны... ..	230
Елена ПАЛАШЕК-СТОРОЖУК	
А был ли ветер?	232
Александр ХРОМОВ	
Ответ на вопрос, заданный в кафе "Хали-Гали" некоторое время тому назад... ..	239
Роман БРОДАВКО	
Баллада о Мадонне с младенцем	241
МОСКВА-ОДЕССА	
Алла ГОЛОВАНОВА	
Имена	247

Зима

1

Призрак разрушенного собора
держит небо на трех золотых крестах.
Четырехслойные звуки хора
стоят на своих местах.

Благослови, душе, во гробе зряще,
Господи, воззвах к Тебе — блажен муж.
В небе ни облачка, и слепящее
солнце сияет из черных луж.

Глаз не поднять. Впереди — мельтешение.
Оттепель — обманка посреди зимы.
Богу во славу, родителям во утешение,
себе на погибель выросли мы.

Плечи расправили, души расплавили,
дар отцовский растратили до гроша.
Никто не скажет — ошиблись, правы ли,
ни одна живая душа.

2

Хорошая рифма — гроб и сугроб.
Что кровь и любовь. Но встречается реже.
Бумажный венчик, холодный лоб,
молитва — в руке. Явление: те же

и неизвестность. Идет на крыльцо,
косясь на венок, прислоненный к стенке.
Ветер срывается, морща лицо,
как на сдуваемой пенке
по поверхности горячего молока —

мне мерещатся издалека
пахнущий карболкой школьный буфет.
синий в царапинку пластик стола.
Щербленное блюдце, обертки конфет,
белковая пастила.

Тихоня-калитка, железный засов,
судьба отчизны на чаше весов,
будильник на семь часов.
Рифленный сапог, зеленый погон,
добряк-прокурор, суровый закон,
портреты — со всех сторон.

Подробности жизни, которой предел
положен позавчера.
Во дворе десяток подвижных тел,
недвижное — вон со двора.

За что горел — за то и потух.
И тащит душу добрый пастух,
как ягненка сквозь темный лес.
По снегу бежит безголовый петух,
что горлу — процессии наперерез.

3

Саночки, саночки, по снегу хруп-хруп.
Малого мальчика в санках везут.
Валенки, шарфик, цигейка — тулуп,
в детский сад, что на страшный суд.

Овчинка-спинка, сдвинулась вбок
ушанка, промерзший слюнявый шнурок:
бантик, двойной узелок.

Он видит лишь спину перед собой,
крест-накрест перетянутую платком,
да еще стоит на углу седой
инвалид с фанерным лотком.

На лотке — шарики, цветная фольга,
на резинке: дернешь — и прыг! скок!
На запад идет живая нога,
культяпка — назад, на восток.

Саночки, саночки по снегу скрипят,
кошечки, кошечки на душе скребут.
Справочку, справочку печатью скрепят.
А ты не махай — не тебя гребут.

Ты молча стой, или волком вой,
стучи культяпкой по мостовой,
тряси седой головой.

4

Засунем сосульку поглубже в рот:
крутое детское порно.
Иней на створках чугунных ворот.
Собака лает задорно.

На тротуаре раскатан лед
черною полосою.
Скользит, чертыхаясь, прохожий люд.
Водку в авоське несет инвалид,
сверточек с колбасою.

Колокольчик бренчит — привезли керосин.
Вывозят мусор — заскрежетала
лопата. Ведрами папа и сын
уголь несут из подвала.

Порядок растопки — газетный ком,
лучина, дрова. Когда разгорится,
подсыплем угля железным совком.
Дверца чугунная затворится.

Упрись ладонями в кафель. Тепло
перерастает в жар, обжигая.
У печки от обуви натекло.
Лампочка светит, мигая.

Через два часа выгребаем золу.
Крупинки черные вьелись в кожу.
Войду в прошедшее. Сяду в углу,
здешних жильцов не тревожа.

5

Не понимаю, как это мы
остались среди зимы.

Среди ушедших времен, знамен,
среди враждебных племен.

Среди покоившихся старых домов,
среди поврежденных умов.

В промерзшем, загаженном параднике
на ледяном сквозняке.

Сидим с врагами за общим столом.
И им, и нам — поделом.

Даем прикурить. Бережет ладонь
слабосильный, нервный огонь.

Смеемся, пока ледяной узор
не покроет наш общий позор.

6

Что ты глядишь, ведь тебя уже нет
в этом мире несколько лет.

Рассеянный зимний свет.

Вчера два года, сегодня — пять,
послезавтра — не сосчитать.

Вечность приходит как тать.

Вот старик у письменного стола
говорит: "У нее в расстройстве дела
с тех пор как она умерла.

Всюду — груды одежды, пыль по углам,
На полках разложен ненужный хлам.

Кто скажет, что делать нам?"

"Не выбрасывай лампочку! На нее
натянем носок, и затеем шитье-
штопку на все житье.

В стопку сложим белье.

Потом мастикой натрем полы,
растянем простыни за углы,
покуда руки теплы.

Мыло — на терку, заварен крахмал.
Ты еще слишком мал".

7

Лапкой заячьей золотую фольгу
кладут на белый левкас.
Словно отклик солнечный на снегу —
Мать Божья, молись за нас
теперь и в последний час.

Затвердевшее тело вбок повело,
где совести быть — чернеет дупло,
просвети, там станет светло.

Кистью беличьей выбелена плавь,
штрихи в уголках глаз.
Богородица, не оставь,
Благодатная, молись за нас,
теперь и в последний час.

Слой олифы, венец, оклад,
не грусти, все пойдет на лад,
все пойдет на лад, все пойдут в барак,
там скрежет зубов и мрак.

Заточку в тряпочке — под матрас.
Мать Божья, молись за нас,
теперь и в последний час.

Тьму сечет прожектор во всю длину.
Чешет на ночь пятки петух пахану.
А под утро — то ли пахан храпит,
то ли смертно петух хрипит.

Выхода нет. Есть подкоп и лаз.
Расшалились мы. Глаз за нами да глас:
Матерь Божья, молись за нас
теперь и в последний час.

8

В последние годы боюсь зимы.
Думаю — пережить не смогу
рано наваливающейся тьмы,
свиста в ушах. На каждом шагу

окурки, стынущие плевки,
снега белесые островки
под буровой присыпкой песка.
Смерзшаяся тоска.

Я ношу свой страх под пальцем,
прижав ладонью, чтоб не обронить.
Смотрю в витрины. С таким лицом
старухи слонявят нить.

Как будто хочу дыханья тепло
протащить сквозь ушко декабря,
но пальцы судорогой свело.
Манекены глядят сквозь стекло,
ни слова не говоря.

Мартовский снегопад

Очарованье зимнее воды —
то соблазнит блистающим покровом,
едва просвечивая наготу сплетений
рунических,
то вдруг алмазной мудрой
возникнет на пути, блистая утром,
то снежной нежностью укутает убогих
веток мерзлые суставы,
чтоб смертного не слышно было хруста
под тяжестью заботливой природы —
ей принимать у каждой ветки скоро роды —
и не страшна аллея бурелома,
где грусть и нежность в линии облома...

* * *

Вся жизнь моя доведена до снов,
где я растворена до самых до основ,
и снова крутят фильмы в клубе, снова,
пока не вылетит единственное слово...
О, пытка памятью, о, ужас бытия,
о перфорация на черно-белой ленте,
остановись на этом вот моменте,
где каркает вчерашняя заря:
"Не жди, не жди, тебе не будет забвения!"
О ритмы дыр на черно-белой ленте,
о, не буксуйте в том больном фрагменте
памяти, где не дано забвенья
и даже след мгновенья
давно прошедшего монтирует из бытия
и призабытый стыд, и личное паденье
в острейший блеск хитросплетений —
и бездыханною под скальпелем лежит моя душа
стыд-монтажер монтирует виденья.

* * *

Любви превратности и марта снегопад
докучливы, который день подряд
наощупь, наугад
ступаю я по ложному пути,
я вся в плену злокозненных преград:
хлябь искрой льдинок невпопад
мою расслабленность смутит,
в слезах отчаянья утопит
досадный опыт.
Ах, ревность, как тут не крути, —
от мелодрамы не уйти —
О! Ключья писем так подобны
неверному десанту снежных хлопьев...

* * *

Младенец апрель — шалун и проказник
прикольный устроил особенный праздник:
он будто ворвался в чулан чародея
и дух колдовства в атмосфере развеял,
и видимым каждое стало движенье
реакции той, что приводит в брожение
в забытой пыли чердаков и подвалов
затеи, что после приводит к обвалам,
к обломам, разломам, досадливым сколам,
случайным уколам той щепки, что колом
предстанет в итоговом акте,
что все преподносит по факту, по факту.
Когда разойдутся все чары, виднее
кристаллик души, что светлеет, светлеет
в потоке различных закрученных свилей
хоть трудно ей видеть — чужие, свои ли —
на то и апрель —
чтоб светом очистить и выявить прель.

Межсезонье

Пронзительная неба бирюза
рассеивает фразы склок синичьих
над лаком локонов гледичий,
где в завитках упряталась роса,
играющая гранями алмаза,
а ты идешь по ней и думаешь о разном,
не замечая поворот тропы
и знака не читая в ржавчине
листвы, что прижимается к подошве,
лишь бы идти, идти подольше,
не замечая, что за вид за поворотом...
Когда туман кулису уберет,
предательски обдаст нас конским потом...
Ах, так и знала!
Там — расседланный Пегас траву жует —
нелетная погода!

О. Губарю

Как звоном золотым
осыпались березы
вслед дробы металлической гледичий,
вслед целой доли тополиного дуката
туда, куда и мы уйдем (когда-то) —
тут прочерк обозначен лапкой птичьей,
там не нужны ни серебро, ни золото
нам, но тому,
кто рыться будет
в слежавшемся культурном слое
до одури, до гормональной бури
захочется найти хоть что-то золотое.

Дождь

Нечаянно был мною вызван дождь,
и он прорвался, прошумел, пролился,

с такой неистовою силой он в окно ломился,
чтобы прозрела я, как нелюбима я тобой... Что ж!

Мне страсть, неистовство, напор
налетов невзначай, сих мимолетных шквалов,
когда бранишь меня ты за вечерним чаем,
намек дает на щебет птичий хор,
о светлом утре что оповещает...

И только я боюсь, что регулярный дождь,
размеренный, занудливый, поселит в душах,
о, не ложь, а равнодушие, холодность осеннюю...

Я так боюсь, что сил не хватит мне
дождаться снова лета, солнца, слова,
пускай не одобрения, а так,
в сердцах тобой оброненный пустяк...

Актер

М. Козакову

Когда, Актер, нас разделяет рампа,
и нападает взглядов рой под зуд софитной лампы,
а палец племса приобрел смертельный крен,
яви тогда презренье к мимолетной славе
и не борись за жидкий всплеск кистей —
аплодисменты — да, награда,
но не оценка всей судьбы твоей,
что выдернула в круг
и луч крестом сложила,
и требует всерьез:
воскреснув — умереть.
Что отраженье нам в пульсирующем круге зрачка,
когда проходит жизнь под вырожденье эллипса арены
в кровотоении стигматного значка
на каждой глади собственной ладони?

Дорога в Мило

Разбегающиеся, сползающие с горы уступами
в спешке ровные строчки крестьянских полей.
Небеса облысели, истерты стволами бамбуковыми, —
ландшафтам Ван Гога экзотический мавзолей.
Так вот где писал эти шляпы, укрывшись под пальмой,
обжигающий график посадок, культур геометрию,
разбивая пейзаж на квадраты по модным поветриям,
еще не известным в стране, столь от Франции дальней.
Вытесненный из недр каменный лес, жаждущий плоти деревьев,
выплюнутый — в подземном Китае тоже нет места.
Выплющен, в ожидании метаморфоз трепещет невестой.
К ночи дряхлеет: торчат каменных пальцев коренья.
В меднолобости Будда картинно уселся ко всем спиной
на вершине, покуда серпантин не сделает очередной
поворот — чудо, чудо! А отсюда б — домой.
До шлифовавших под солнцем до Солнца дорогу рук дела нет.
"Железка", стянувшая, изловчившись, над пропастью две горы,
тоннели, в них скопища духов за сонмищем лет.
Рифмуясь с карнизами пагод, мост готовится в тартарары,
но страшнее кривой лабиринта для духов нет.
В искривленном пространстве, разбивая со всхлипами лбы
об углы, что на карте не отыскать,
создают сквозняки и мешают спать,
заставляя вспомнить молитвы, мантры и ворожбы.

* * *

Пентатоника шелковой лентой
пеленает встревоженный слух.
Задурит: как во сне, по сегментам
осыпается западный дух.
Поскользнешься на тонкой улыбке,
как на корке. Да разве поймешь,
залетевший сюда по ошибке,
эту дивно-восточную ложь

для гостей? По струне вышивали,
по канве — повторяя узор,
угловатость в веках изживая:
кровли, бедра, сладчайший набор
речь царапавших слов, интонаций
камуфляж — не заморщить небес.
Катаклизмов все ждал, кульминаций —
без следа растворился, исчез.

Велосипедный маршрут

Неоднозначность рельефа —
спуски-подъемы (up-down) —
секстаккордом пружинным (ре-ля-фа)
гармонизируешь. Даун,
рот позабывший прикрыть, дама,
кружево рвущая спицей
велосипеда, зонта. Русская драма,
сдуревшей синицей
(взлеты-паденья) восемь тыщ
преодолев, продолжается здесь.
Ни со свечкой собачки не сыщешь,
ни с фонариком красным. Взвесь
распятые ребра на стойках
освежеванных мосек, дух
марихуаны, серы — нестойкий,
след дракона, на выдохе: "Господи!" — вслух.
Уцелевшие шавки, врываясь в сон,
поразят полиглота, ловца
истины, пятый влетаю тон
в четыре китайских. Шершавость словца,
перца отзовется першением
горла, не смягчаемым мутью винца.
Сладко пасть, уступив искушению:
заорать дико "р-р-р", не скорбя о потере лица.

Погружение в английскую разговорную речь

Втискивая размах своего плеча
в изящное: "I'm o'kay. That's nice", —

млеешь. Мнишь: "Голливуд. Звезда", — сгоряча.
Из-под руин языка выбираясь,
родного, терзающего (и во сне
уже не стонать), набираешь скорость.
Память замкнув, хоронишь на самом дне
любящих, прочее выдернув с корнем.
Не чуя потери, в приобретенье
веришь (привкус клубничного бабл-гама).
Мешает прикус, гласных соченье —
артикулируешь, губы Адама
представив, жующие в восхищеньи
отцовым зверинцем чуждые звуки
на неродном языке. Упрощенья
жизни, уплощенья мозга науки
познаешь. Складных фразок скольжение
выпрямляет мысли извилистый путь.
Топографии новой вторжение
отраженье меняет, гражданство, суть.

* * *

Содержание алкоголя в крови
опять превысило дневную норму,
любви — не дотянуло. Как ни дави,
какие для выживания формы
ни изобретай колеса помимо, —
не покатит. Незнакомо копошась
сбоку, инородна и неуязвима,
в позе лотоса корячится душа.

Времена года

С пунктуальностью прометеева орла,
с правотой иных фавориток при иных дворах
входит осень. Сжигает предместья дотла —
ни сбежать, ни остаться. В следах оседает страх,
кардиология терпит сезонный крах,
близорука: не видит твари, дрожащей впотьмах,
угодившей в томительный резонанс, в прах
рискующей обратиться. Поражает размах

ловушки, антураж, стиль. Одарен листом
кленовым — отравлен: на коже, сетчатке, душе
пятипалы ожоги, тревожит густой
запах тленья, удушлив, сладок. К распаду уже
изнутри прорастает движенье — все вдруг
оборвется... Ноет ветер, шарит в пустых ветвях,
расширяясь, пространство скрывает недуг.
Снега ждешь: приложить ко лбу, капли рукой лоя.

* * *

Маме

К перечню несостоявшихся надежд
прибавить эту:
лета ждали, легкомысленных одежд —
ни фей, ни лета.
Тяжесть облака растущая. Висок
теснит затылок.
Веки красны от осенних подоплек,
ветров постылых.
Давний дождь и благонравен, и речист,
хлестнет цитатой
из мудреного, мерцающего, из
Его трактата.
Наизнанку выворачивает лист
дразнящий шепот.
Всплеск — и сад дрожит, и стекла подались
на оклик скопом.
Сон глубок и труден: снова медлит свет,
узнавший этот
сад, потоками вода и свежий след
и горечь лета.

* * *

Межсезонье настигнет под вечер: нет
электричества в доме, мужа с работы,
утешительных ангелов, сигарет.
Накрывает. Запнувшись опять о ноту,
осечешься и съежишься. С ближней крыши

мрак стекает, мягко углы проходя, —
темноте покоряешься. Липнет, дышит,
по затылку — за шиворот, обводя
частокол отвечающих позвонков,
проползает подмышкой, стирает тени.
Цепенеешь: ни шорохов, ни звонков.
Лоб горяч. Продираешься сквозь в смятеньи
цепкость взглядов, настойчивость голосов,
вездесущность рекламы, осевших за день.
Шелушатся чешуйки угаданных слов,
слез, желаний, чужих видений. Внятен
нарастающий яростный шепоток,
подгоняет дыханье, буравит темя,
жжет ладонь, подталкивает в локоток.
Врет. Пророчит, смутьян, душегуб и затейник.

Da capo^{*}

Как ветеран игры полузабытой,
душа благонадежна. Чуть размыта,
легка, печаль ее звучит иначе
в четыреста пятнадцать^{**}. Горьким плачем
барочность позы нарушает сын: он
в игру не верит. Рвутся трели, стьнут
у губ слова, перо струну щекочет.
Обои красны. Пальцы тонки. Кочет
вдруг с дальней стройки возвещает миру
осмысленно и грозно: "Майна... Вира..." —
распахивая жизнь по вертикали.
Глядишь в конец. Там то же, что в начале.

^{*} Сначала (итал.) — музыкальный термин.

^{**} Старинная настройка клавесина. В отличие от современной,
где высота ля равна 440 герц.

Наши лица, как экраны...

Как в кино, на наших лицах
Кадры мыслями полны:
Пролетают мысли-птицы,
Пробегают скакуны...
Иногда по ним крадутся
Тени мыслей-грызунов.
Мысли-мухи расползутся,
Трансформируясь в слонов.
Мысли-ласковые-кошки,
Мысли-вредные-коты,
Мысли, мелкие, как блошки,
И большие, как киты.

Мысли тяжкие. Как камень.
Мысли сла-а-адкие, как мед.
Мысли, жгущие! Как пламень!
И холодные... Как лед.
Мысли, рушащие стены,
Мысли, правящие бал!
Мысли-краны. Мысли-крены.
Мысли-штили. Мысли-шквал!!!
А бывает, мысли-маски
Хорошо играют роль.
Мысли-дебри, мысли-сказки.
Мысли-каша. Мысли-соль,

Наши лица, как экраны,
Кадры мыслями полны.
Можно даже спрятать раны
В ниши мысленной стены.
Можно скрыть за мыслью-тучей,
Мысли-звезды, мысли-свет.
И сразить счастливый случай
Могут мысли-пистолет.
Жизни мысленных букетов,

Глаз задумчивых окно,
Кто сценарий пишет этот
Нашим лицам, как в кино?

Кто придумывает часом
Мысли-страхи без причин?
Мысли-путы, чьим приказом
Тянут сеть косых морщин?
Как в кино, на наших лицах
Отражается сюжет.
Мысли-кони. Мысли-птицы.
Наши Мысли — наш Портрет...

* * *

Толстый рыжий апельсин
Улыбнулся мне с витрин:
Эй, красавица! Постой!
Заходи скорей за мной.
По-кавказски подмигнул
И пупком своим сверкнул.
Я свернула в магазин:
Мне вот этот апельсин.
А сосед его крутился,
Прямо под ноги скатился!
Засмеялись апельсины:
Покупайте витамины!

Выхожу из магазина
С полной сумкой апельсинов.

А БЫЛ ЛИ ВЕТЕР?

Поэма

1

Разговор с мечтой

- А был ли ветер?
- Я не знаю.
- А был ли дождь?
- Он мог не быть.
- Тогда зачем я, как слепая,
шла не к судьбе, а от судьбы?
- Ко мне стремилась.
- Как мне страшно!!!
- Да, страшно...
 Страшно далеко.
- И черный кот зачем-то кашлял.
- Он поперхнулся молоком.
- Мне непонятно, был ли ветер?
- Зачем тебе об этом знать?
- Пока летел, он песню встретил
там, где сбежавшая волна.
- Пойми, волна не убежала,
она наткнулась на песок.

- Скажи, язык похож на жало,
а жизнь на тонкий волосок?
Скажи, когда он оборвется,
я встречу папу или нет?
А в душу можно спрятать солнце?

— Пусть ветер принесет ответ...

2

Разговор с ветром

- Не дуй мне в спину... и навстречу.
- Прости,
 мне что, совсем не дуть?
- Пусть век пройдет, и я отвечу
в три тысячи втором году.
- Ты странная: такая точность.
- Точней улыбки только смех.
Ответь мне, ветер...
- Срочно?
- Срочно...
Насколько призрачен успех?
Летает ветер там, где папа?
Зачем так больно от вины?
Что будет там, где юго-запад?
Куда мечты вознесены?
- Ты, ветер, как воспоминанья,
то сносишь крышу, то шуршишь.
Ты, ветер, как мои терзанья,
их отдала б я за гроши.

Но кто возьмет?
Смешно, ей-богу!
Как изворотлива мечта,
что вездесущую тревогу
вложила в нежные уста.
Не дуй мне в спину...
и навстречу.
Я знаю, просят дураки.
Я через век назначу встречу
там, где разводят сорняки.
Средь сорняков найду цветочек
и папе подарю его.
Мне нелегко не ставить точек.
А точки служат для чего?

— Ты странная.
Причем здесь точки?

— Они похожи на песок,
на пыль, на прах,
на сердце дочки,
на тонкий-тонкий волосок.
Он оборвался, и потеря
досталась тем, кто жив пока.
Несчастливым я теперь не верю.

— Пойми, они, как облака.
Разгонишь их — и будет счастье.

— Ах, милый ветер, помоги!
Я разделю мечты на части,
а для тебя...

— К чему торги?
Я улетаю. Ты просила,
чтоб я не дул...

— Нет, нет, постой!

— В тебе самой такая сила...
На сто веков.

— Не уж на сто?

3 Разговор с музой

— А был ли ветер?

— Я не знаю.

— Тогда откуда все слова?

— Ты обрела частичку Рая.

— А кто мне шепчет "Раз и два"?

— Ты обрела частичку Ада.

— Зачем смешались Ад и Рай?
Скажи, кому все это надо?

— А ты словами не играй.

— Я через слезы улыбаюсь

— Я знаю...

— Через смех грущу.

— Ты помнишь, в детстве, дорогая
ловила в луже длинных щук.

— Прости, я с памятью рассталась.

— Что ж, так бывает.
Не грусти.

— Скажи, а я уже летала?

— Не спрашивай меня.
Лети!

4

Разговор с любовью

— А был ли ветер?

— Был. Я помню.

— Куда он, кстати, улетел?

— Не знаю. Он любви не ровня,
ведь он противник жарких тел.

— А был ли дождь?
А снег?
А слезы?
И где мой папа?
Он ушел?

— Ты помнишь, в детстве: дуг,
стрекозы?

— Я это помню хорошо.
Как стрекоза мочила крылья
в воде заросшего ставка.
Как на дороге пыльной-пыльной
я запускала облака.
И только папа мне поверил,
что облако — воздушный змей,
что вечер был прозрачно-серым,

когда домой гнала гусей,
что у соломы запах снега,
что у теленка есть мечта.
Но он сказал: "За хлебом сбегай".
А сам остался у холста

— И что же ты?

— Пошла за хлебом,
вернулась, чтоб его любить.

— Но ты смотрела чаще в небо.

— Смотрела в небо? Может быть.
Ведь я сама была как ветер.

— Нет, ты мечтала быть такой.

— Судьба всегда плела мне сети,
их папа называл: "покой".

— О чем грустишь, ведь ты любима?

— Я не грущу, я так люблю.
Моя любовь, как старый снимок.

— Как старый снимок? Ой-лю-лю!

— Ты, как и я, из откровенных.

— Нет, я хочу спасать, как ты.

— Любовь спасает?

— Непременно!
Причем одна, без красоты.

5

**Разговор с папой,
после его смерти**

— А был ли ветер?

— Знаю точно,
что был лишь дождь из ваших глаз.

— Зачем, скажи?

— Не надо, дочка!
Я не хотел, поверь мне, зла.

— Так был ли ветер?
Кто сгоняет мне
в душу тучи каждый раз?

— Моя родная, всё на свете
еще случится.
Дети! Дети!
Не я решил оставить вас!

Ответ на вопрос, заданный в кафе "Хали-Гали" некоторое время тому назад...

Золотые нити, золотые, как мед в баночке,
Золотые, как осеннее солнце, жующее купальников лялечки.
Вопросы-ответы, веселя час, что это значит для вас сейчас?
Вопрос задающего уже готов.

Что значат для вас дымки барного кайфа покров,

И что вы чувствуете сидя вот так,

В прикиде, на взводе? Вот это чувак!

Зачем вы приехали в этот кабак?

Ну, просто приехал, зашел вот — женских животиков ценитель квот.

Осмотрел всех, увидел, да — эта телка лицом хороша,

А так в основном все постыло и мерно, нет пожара в жизни манерной.

Ну ладно, слушайте, одновременно пейте и кушайте, сексом

Тоже можно заняться, правда, лучше не раздеваться

(Беседа идет в общественном месте, предположительно в "Баффало").

Уточним для начала вопроса точки важные, не надо при этом трогать руками влажные,

Ведь мы говорим сейчас не о бане, ванной, диване или стакане,

Речь пойдет совсем о другом: бытие — в обыденном, счастье — в одном.

Отвечу однако лишь за себя

Состояние есть, и это — есть Я.

Простото мгновения на свете нет,

Есть мысли, память, субъект и объект.

Баллада о Мадонне с младенцем**Праведникам народов мира**

Стояло горячее знойное лето.
Колонну отверженных гнали из гетто.
Все знали — к оврагу. Все знали — отжили.
За рощей лишь вороны в небе кружили.

Не плакали дети, не выли старухи.
Жужжали над потными лицами мухи.
Глоток бы сейчас хоть какой-нибудь влаги!
А впрочем... Скорей бы дойти до оврага!

Село встрепенулось. Село затаилось.
За деревом старая бабка крестилась.
Закашлял старик, затянувшись махоркой:
Не то чтобы жалко... А все-таки горько.

А староста взглядом холодным и липким
Скользил по фигуркам, худющим и хлипким.
Глаза отведя, он вздохнул от души:
"Паскуды жидовки! А как хороши!..".

Одна среди них — так стройна и нежна,
Как добрая фея из детского сна, —
Брела от колонны чуть-чуть позади,
Дитя прижимая к набухшей груди.

Околица. Вербы, как пряди седые.
Стоит за ветвями Приходько Мария.
"Эй! Дай мне ребенка! К себе отнесу...
Не бойся! Не выдам! Увидишь — спасу!.."

Два взгляда. Два сердца. Одно лишь мгновенье
Меж смертью и жизнью, меж светом и тенью.

Сидя на стуле в углу, как в угле, столика бортик близок тебе,
И даже сидя вроде один, на самом деле ты в компании нимф.
Вокруг тебя они выются кругами, ласкают руками и бьют ногами,
Эти маленькие чешущие твари знают все — о тебе, обо мне.
Малыш — ты для них как небо в воде,
Они порождения миров зыбких, мыслей чутких и желаний прытких,
Они плетут вокруг паутину, маскируя ловко быта рутину.
Задача их проста и безумна — сделать меня для себя умным.
Вот для чего им нужны нити, из золота, чистые, от Нефертити.
А может быть, они от Версаче, если так, то я скорее заплачу.
Эти нити есть канаты, трубы и проводов трассы,
Они для жизни моей матрасы,
Они связывают меня с пространством, причем, с прошлым и настоящим,
Они как соты, пропитанные нектаром, дающие кайфа негу практически даром.
Для них нет момента, когда все пусто, это и грустно, и пыльно, и постно.
И я вам скажу основной постулат: для кайфа сейчас нужен прошлого бласт,
Тогда ты сможешь и один зажечь, веселиться, гулять и, возможно, прилечь.
Золотые нити — тебе друзья, помни о них, в летах веселясь.
Они в этой жизни цели главной часть, и они помогут тебе не упасть,
Твои же силы в тебя заплетут, когда надо — найдут и домой приведут.

"Эй! Что ты там держишь? Пригрела жиденка?" —
И щелкнул затвор в карабине подонка.

Взглянула Мария. Не дрогнула оком.
"Не пей на жаре — развезет ненароком!"
И, не отводя своих бархатных глаз,
Сказала негромко: "Он мой... Опанас".

За рощей дубовой, за склоном зеленым,
За линией жизни исчезла колонна.
За нею прошли автоматчики — немцы.
А вслед им глядела Мадонна с младенцем.

* * *

Мужчина седой, исполинского роста
В родное село приезжает непросто:
Здесь дяди и тетки, здесь братья и сестры
И вечная память на страшном погосте,
В овраге, где замерли души живые.
А рядом, у церкви... Там мама... Мария...

Царь Соломон

Как трудно быть царем! Не верные сатрапы —
Льстецы и подлецы, предатели, рвачи...
Как больно треплет жизнь своей когтистой лапой!
Как грустно одному, особенно — в ночи!..

Что — золото, что — власть, когда весь день в работе?
Что — мудрость, если сам не веришь в этот миф?
А трон? Мой царский трон не лучше эшафота...
Что — женщины, когда убита Суламифь?

В пустыне — созидать! Как тяжело все дается:
И храм, и хлеб, и мир... Народ ведь воровит!
Уж лучше воевать, быть храбрым полководцем
И сочинять псалмы, как мой отец Давид.

В душе покоя нет. Сомненья рвут на части.
Чем завершится путь, я знаю наперед.
Скорблю... Прочтете вы потом в Екклесиасте:
"Все было на земле. И все, что есть, пройдет!"

Но если выбран Им свою страну прославить,
Моя надежда — Он, моя опора в Нем!
Я все превозмогу. Я честно буду править.
Не вам — Ему судить, каким я был царем.

* * *

Из рабства — сорок лет:
Таков был перст судьбы.
Неужто весь секрет,
Что из рабов — в рабы?

В пучину мелких дряг,
В разборки без конца,
Где всяк — во что горазд,
И в силе культ тельца?

Неужто путь наш — сей,
Где лишь наживы пыл,
И где забыт Мойсей,
Что Богом послан был?..

Не сорок лет подряд,
А сорок сороков —
Пророки вслед глядят
Из глубины веков.

А мы — по целине,
Не ввысь, а под уклон.
И слышен в тишине
Цепей холодный звон.

* * *

На стене висит портрет —
Отголосок давних лет.
Нет в живых оригинала,
Прожил он обидно мало,
Был угрюм и нелюдим...
А когда его не стало,
Стал он всем необходим.
Осознать его великим
Не хватило нам ума...
По картине ходят блики,
За окном опять зима.
А с портрета смотрит вслед
Тот, кого давно уж нет.
Слышен голос позади:
"Ты почаще приходи!..".

* * *

Если взять кусочек солнца
И в реке его разбавить,
А затем широкой кистью
Нанести его на холст,
После бросить на палитру
Травы и цветы стенные:
Мальвы, маки и любисток,
Подорожник и польнь.
А потом — немного ветра,
И росы хрустальный бисер,
И дождей осенних пряжу,
И метели белизну, —
То получится картина,
Под которой, без сомненья,
Подпись Юры Коваленко,
Две большие "Ю" и "К".

Он — апостол и язычник,
Он — затворник и гуляка,
Он философ и ребенок,
Он — мудрец и разгильдяй.
И живут его картины
Параллельно с нашим бытом.
В них заглянешь — и увидишь,
Как прекрасен этот мир!

Лене

Давай улетим!
От забот,
Телефонных звонков,
От ремонтов,
Покупок,
Визитов
И прочих оков
И потратим себя
На любовь,
Болтовню,
На валянье вдвоем
Дурака...
Мы на это способны
Пока!
А когда
Возвратимся потом,
Все сначала начнем,
Но иначе,
Не так,
Не такими, какими мы были вчера.
И другим будет день,
И другим будет дом...
Улетим?
Ты готова?
Пора!..

Фламенко

У этой ночи — шесть струн:
Первая — это любовь,
И вторая — это любовь,
И все остальные — тоже любовь.
У этой ночи нет снов,
У этой ночи нет грез,
У этой ночи нет слов, —
Есть только любовь.
И только гитару слушает ночь —
Сводница — ночь,
Бессонница ночь,
Ночь, у которой шесть струн
И большая, как мир любовь.

Олегу Губарю

О, Боже мой, откуда эти гены?
Их родовые корни глубоки.
Бездельники Сократы, Диогены
Для большинства разумных — чудаки.

История — изменчивая дама,
И с логикой обычно не в ладах.
Ей чужд порой Эразм из Роттердама,
Порой не ко двору Скворода.

Но чудаки в истории повсюду —
С ее благословения и без.
Они произошли от слова "чудо",
А мир безмерно скучен без чудес.

К какому их определите классу,
Тех странников, что ясным ярким днем
Бредут по миру, где царят Мидасы,
И ищут человека с фонарем?

МОСКВА-ОДЕССА

Алла ГОЛОВАНОВА

Имена

Александр

Нарочито медленным пробужденье клинка
по-царски небрежно вниманье привлечь.
Слегка выдвинут из ножен меч,
пальцы ласкают стертую рукоять.

Металл выскальзывает из ножен легко,
обретая голос, взмывает вверх,
право имея — на глазах у всех —
хозяина имя в бою изменить.

Разящий троекратный удар меча,
искрящей молнии огненная **зет**,
разверзнутых ран кровавый след —
имя твое: **ИСКАНДЕР**.

Алексей

легкий всплеск
скрип оси
поворот колеса
на канате
повис паром
пеленой приближается берег
чаще левый

Алла

Гортань раскаленная выдыхает воздух горячий.
Выдох виснет шаром дрожащим,
расплавляющим грани предметов.
Иудейской пустыни ветром возносится морок к горам.
Голос тысячелетий колеблет эхо-волна:
АллаАл
ла

Ася

Две ипостаси:
на земле —
существо невеликое
в крошечном тельце

А мгновенно встречается с **Я**,
потупя глаза
шелестит смущенное *здрасте*.
Голосок щемящий полунинский
как *Ассисяй*
вопросительно жалобно
отвечай! ты меня любишь?
Трагедия не поместится здесь, неуместна,
как насвистывать Реквием
дырочкой в правом боку.
Слезы не ливнем, а дождиком вдалеке.
Метаморфоза возможна лишь налегке и в воздухе...
ЗАЛП раскрывающегося зонта!
Над головой разноцветный купол.
От земли оттолкнувшись ногами,
взмывает змеем воздушным.
Развернувшийся радужный хвост полощется.
Ветер внутри свистит — стихия! —
так в стих влетает
АНАСТАСИЯ.

Эвелина

земные херувимы
нисходят светом
дальних витражей
предлинный зов
услышит
взрослая душа
волна
окатывает землю не спеша

Геннадий

монета крутится медленно
профиль чеканный мелькает
Ген-н-н-надий
день на день
приходится не
всегда
один

Сергей

В пустом жилище
тихий перезвон
забытых кем-то в спешке
сердоликов
подвешенных на нитях у окна
сергей, сер-гей
сер
гей
стихает ветер
а с ним и звук
пронзительно ничей
Моно-но-аваре
по-японски
грустное
очарование
вещей

Вера

замочек губ удерживает рыданье
правильность спотыкается на каждой кочке
нежность мечтает быть измазана вареньем
и непременно кричать "ура"